

Место, где Инь Нянь назначил встречу, было Юэ Цяню совершенно незнакомо. Только добравшись туда по навигатору, он понял, что это скрытый от лишних глаз частный ресторанчик. Припарковав машину, Юэ Цянь не спешил выходить, еще раз обдумывая мотивы собеседника.

Смотрины. Разумеется, это должны были быть смотрины. Но приглашение пришло слишком внезапно, тон Инь Няня в разговоре отдавал неприятной властностью, а само место оказалось настолько запрятанным, что вся эта затея больше походила на встречу агента с информатором, чем на знакомство потенциальных родственников.

Телефон пискнул — пришло сообщение:

[Вы уже на месте?]

— Паркуюсь, сейчас буду, — ответил Юэ Цянь, собрал вещи и вышел из машины.

Ресторан располагался в отреставрированном старинном особняке. В палисаднике буйным цветом цвели розовые и пурпурные бугенвиллеи, под ногами сочно зеленела трава, а стена плюща, словно мягкий барьер, отсекала шум внешнего мира. Юэ Цянь последовал за хостес через передний корпус. Он ожидал увидеть того в кабинете, но мужчина стоял на балконе соседнего флигеля. Заметив гостя, он тут же направился ему навстречу.

«Такая спешка?»

Юэ Цянь подумал, что не опаздывал, так что извиняться за задержку нужды не было.

— Господин Инь, добрый день, — Юэ Цянь вежливо улыбнулся, остановившись у подножия лестницы.

Тот заметил в его правой руке небольшую темную сумку и нахмурился:

— Это что?

— Ах, это... — Юэ Цянь приподнял сумку. — В последнее время чувствую себя неважно, пью китайские лекарства. Их нужно принимать перед едой, так что взял с собой.

Инь Нянь удивился и невольно окинул его изучающим взглядом, но быстро кивнул:

— Пойдемте внутрь, там и поговорим.

В кабинете пахло чаем и едва уловимо — табаком. Юэ Цянь мазнул взглядом по пепельнице в углу: четыре окурка. Странно. Выходит, собеседник приехал задолго до назначенного времени и всё это время курил, ожидая его?

Заметив интерес гостя к пепельнице, хозяин встречи поспешил открыть все окна:

— Прошу прощения. Вам, должно быть, неприятен запах дыма?

— Я не перепутал время? — спросил Юэ Цянь, усаживаясь на стул.

Тот на мгновение замер, затем покачал головой:

— Нет. Это я приехал раньше.

Пришло время подачи блюд. Официанты один за другим заносили тарелки — крошечные порции, изысканная сервировка, легкие и диетические продукты. Юэ Цянь посмотрел на стол: от горечи лекарств аппетит и так пропал, а глядя на это диетическое меню, казалось, можно похудеть на три килограмма только от одного созерцания.

Юэ Цянь отложил палочки:

— Господин Инь, давайте сразу проясним один момент. Вы пригласили меня сегодня из-за того, что Линьлинь пыталась нас сосватать?

Инь Нянь посмотрел на него. Его взгляд был настолько торжественным, будто он собирался произнести: «Наши семьи могли бы рассмотреть вопрос о союзе».

После затянувшейся паузы мужчина произнес:

— Я не думал, что вы действительно существуете.

Даже Юэ Цянь, который повидал немало и дважды прошел через перемещение между мирами, на мгновение лишился дара речи и даже в шутку сложил пальцы в магический жест.

— Мне что... продемонстрировать вам искусство мгновенного исчезновения прямо здесь?

— Простите, я не хотел вас обидеть, — серьезно ответил Инь Нянь. — Господин Юэ, дело в том, что мне крайне необходима ваша помощь.

«Ну вот, всё-таки не смотрины».

Юэ Цянь внутренне расслабился, и в нем тут же проснулся профессиональный азарт.

— Говорите. Но если речь о чем-то противозаконном — забудьте. Вы знаете, кем я работаю.

Собеседник кивнул, что-то быстро набрал в телефоне и протянул устройство Юэ Цяню.

Когда тот увидел изображение на экране, его взгляд мгновенно переменялся. На фото был Инь Мо! Точнее, «здешний» Инь Мо — тот самый младший брат, о котором рассказывала Линьлинь: упрямец, не пожелавший сидеть дома и уехавший в город Шоюань открывать похоронное бюро!

Инь Нянь заметил перемену в лице офицера:

— Вы знаете моего брата?

Юэ Цянь не понимал, к чему клонит собеседник, поэтому ответил осторожно:

— Скрывать не стану, Линьлинь упоминала о нем до того, как представила нас друг другу. Кажется, его зовут Инь Мо?

Инь Нянь вздохнул:

— Да. Раз уж вы слышали о нем, не буду тратить время на долгие вступления. Полгода назад брат исчез. Причем исчез крайне странно, не оставив ни единой зацепки.

— Исчез? — удивился Юэ Цянь. — Вы заявляли в полицию?

— Разумеется. Но они не смогли его найти. — Морщины на лбу Инь Няня стали глубже. — Мы поняли, что на полицию надежды мало, наняли детективов, искали через людей из криминального мира — всё впустую.

— Тогда почему вы решили, что я смогу его найти? — голос Юэ Цяня стал напряженным.

Тот покачал головой:

— Я просто чувствую, что вы — наша последняя надежда. Сразу после исчезновения брата я помчался в Шоюань. В его доме я нашел бумажного человечка, на позвоночнике которого было вырезано два иероглифа.

Инь Нянь в упор посмотрел на Юэ Цяня:

— Юэ. Цянь.

Иероглифы были вырезаны на бамбуковом остова бумажной фигурки, но Юэ Цянь внезапно почувствовал, как по его собственной спине пробежал ледяной холод. Его имя на ритуальном предмете? Это было за гранью здравого смысла!

— Почему? — невольно пробормотал он. Перед глазами тут же всплыла картина его первого визита в дом Инь Мо: темная гостиная, расставленные повсюду бумажные подношения, слитки золота из бумаги... Мрачная, потусторонняя атмосфера.

— Я тоже хочу это знать, — сказал Инь Нянь. — Мы опросили всех, с кем контактировал Инь Мо, но не нашли никого с таким именем.

У Юэ Цяня пересохло в горле. Он поспешно отхлебнул чаю:

— У вас есть фото? Покажите.

Инь Нянь открыл фотографию бумажного человечка. Когда Юэ Цянь увидел её, холодный пот пропитал его рубашку. Теперь понятно, почему Инь Нянь нашел его. На позвоночнике фигурки было не только вырезано его имя — само «лицо» бумажной куклы имело поразительное сходство с ним. Это не было безликое изделие массового производства; одежда и тело были выполнены с невероятным мастерством, а черты лица, хоть и были нарисованы схематично, безошибочно передавали его облик.

— Господин Юэ, вы уверены, что слышали о моем брате только от Линьлинь? — Инь Нянь испытующе смотрел на него.

Юэ Цянь встал и сделал несколько неровных шагов по комнате.

— Подождите. Мне нужно это переварить.

Тот оставался на месте, не сводя с него глаз.

— Господин Инь, я полицейский, — Юэ Цянь выложил удостоверение на стол. — Информация, которую мне дала Линьлинь о вашей семье, крайне скудна. Сейчас мне нужно, чтобы вы подробно ответили на несколько моих вопросов. Хорошо?

Его профессиональная аура мгновенно подавила Инь Няня. Тот лишь приоткрыл рот и выдавил:

— Да.

— Инь Мо когда-нибудь менял имя? Или его так звали с самого детства? — спросил Юэ Цянь.

Рассказ Инь Няня совпал с тем, что говорила Линьлинь. Инь Мо был последним ребенком в семье. Мать забеременела им случайно, роды были крайне тяжелыми, она едва выжила, поэтому отец и выбрал такое имя. Но собеседник подчеркнул: несмотря на не самое благозвучное имя и прохладное отношение отца, младший из сыновей никогда не нуждался. Мать души не чаяла в младшем сыне, к тому же он рос под крылом бабушки, и его жизнь была куда легче, чем у старших братьев и сестер.

— Каким он был по характеру? — спросил Юэ Цянь. — Я слышал, он любил оперу и часто исполнял женские роли.

На лице Инь Няня впервые появилась тень мягкой улыбки:

— Господин Юэ, вы неправильно поняли. Он пел женские партии только потому, что бабушка считала его в детстве очень красивым, да и голос у него был звонкий, подходящий для таких ролей. Но в нем не было никакой изнеженности. Раньше он был на редкость живым и общительным ребенком.

Юэ Цянь уцепился за слово:

— Раньше?

Улыбка Инь Няня погасла.

— Отец был к нему слишком суров. Он... однажды сбежал из дома на какое-то время.

По словам Инь Няня, с юных лет Инь Мо гасил в себе давление со стороны отца и семьи напускным спокойствием. Пока он учился в стране, отец решил, что сын слишком консервативен, и отправил его за границу набираться заморской мудрости. Тот не хотел уезжать, но и протестовать не стал: честно отучился, показав отличные результаты. Вернувшись, он, как и положено члену семьи Инь, устроился в компанию и прилежно выполнял свою работу.

Но к тому времени бабушки, что оберегала его, уже не было в живых, а здоровье матери становилось всё хуже. Между ним и отцом больше не осталось щита. По сравнению со старшими братьями, получившими элитное образование, Инь Мо не обладал выдающейся деловой хваткой. Он просто делал то, что велели, не выказывая особых амбиций. Отец считал его никчемным и при каждом удобном случае придирался к нему.

Три года назад он подал заявление об увольнении. Ему отказали. Тогда он впервые взбунтовался — просто не вышел на работу без предупреждения и исчез на неделю.

Никто не знал, где он был. Даже Инь Няню, самому близкому человеку в семье, брат ничего не рассказал. Отец был в ярости. По возвращении он запер сына на несколько дней, ежедневно осыпая его руганью, но тот ни оправдывался, ни спорил. Со временем гнев отца утих, и младший из сыновей вернулся в офис. Однако Инь Нянь заметил в нем перемены: брат часто уходил в себя, перестал ходить на корпоративные встречи и стал гораздо более замкнутым.

Инь Нянь не раз пытался вызвать его на откровенный разговор, но тот лишь улыбался и говорил, что всё в порядке. Мужчине оставалось только смириться, списав всё на деспотизм отца — в конце концов, любого бы выбило из колеи заточение под замок в таком возрасте.

Потом жизнь вошла в привычную колею, пока не скончалась их мать. Во время похорон её младший сын был необычайно подавлен и почти ни с кем не разговаривал. Когда церемония закончилась и все разошлись, он еще на полдня остался у надгробия.

Инь Нянь понимал его. Инь Мо почти не знал отцовской любви, поэтому привязанность к матери была для него всем миром. Потерять её значило для него остаться круглым сиротой. Его горе было глубже, чем у всех остальных братьев и сестер.

Инь Нянь внимательно следил за его состоянием, но Инь Мо был взрослым человеком. Через полмесяца он, казалось, оправился от печали и вернулся к нормальной жизни. Инь Нянь успокоился и вскоре улетел в заграничную командировку. В разгар поездки он узнал, что младший брат устроил дома настоящий скандал.

— Он заявил, что разрывает с нами все связи, возвращается в старый дом и открывает там похоронное бюро. — Собеседник потер лицо рукой. Он до сих пор не мог понять, какая муха укусила брата.

Из-за работы Инь Нянь не мог немедленно вернуться. Он позвонил брату, но тот твердо отрезал: он всё решил, и переубеждать его бесполезно.

Инь Нянь решил, что это просто запоздалый взрыв подавленных эмоций после смерти матери. У всех бывают такие моменты, нужно просто подождать, пока человек остынет — в конце концов, Инь Мо всегда был послушным мальчиком, и его самый крупный бунт ограничивался лишь неделей прогулов. Но когда Инь Нянь вернулся в страну, брат уже действительно обосновался в Шоюане.

Этот город казался выброшенным на обочину прогресса: старый, отсталый. В глазах Инь Няня он давно утратил всякую инвестиционную привлекательность. Узнав о приезде родственника, Инь Мо не стал прятаться и пригласил его к себе — в домик неподалеку от похоронного бюро.

Инь Нянь давно не бывал в Шоюане. Всё здесь казалось ему чужим и неудобным. Дворик брата выглядел развалюхой, и хотя внутри было всё необходимое, Инь Нянь не мог смириться с тем, что его брат живет в таком месте. Еще больше его бесило то, что младший брат взял под крыло похоронное бюро и назвал его «Конец жизни».

Связать свое имя с таким заведением — это казалось верхом дурного тона и зловещим предзнаменованием.

— Почему обязательно так? — в сердцах воскликнул тогда Инь Нянь.

Младший брат посмотрел на него со спокойным безразличием:

— У вас свой путь, у меня — свой.

— Твой путь — это топить печи и продавать бумажные деньги? Отец был неправ, матери не стало, я понимаю твою боль, но у капризов должен быть предел!

— Капризов? — Инь Мо оставался невозмутим. — То, чем я хочу заниматься, в ваших глазах лишь каприз?

Если бы брат кричал и спорил, Инь Нянь бы знал, что делать. Но это ледяное, чуждое спокойствие выбило его из колеи. Он вдруг понял, что не знает, как на него повлиять. Было ясно — любые слова отскочат от него, как от каменной стены. Оказалось, он совершенно не понимает собственного брата.

Он надеялся забрать его домой, но, проведя в Шоюане несколько дней, признал поражение. Инь Мо радушно принимал его, показывал похоронное бюро, демонстрировал свои работы — и делал это так невозмутимо, будто ему было всё равно, слушают его или нет. Инь Нянь не выдержал и уехал, напоследок сказав брату, что тот может позвонить ему в любой момент, если передумает. Инь Мо лишь улыбнулся и ничего не ответил.

— Он изменился. Я до сих пор не понимаю, почему он стал таким. — Смерть матери была ударом, но Инь Нянь чувствовал, что дело не только в этом. Позже от старшего брата и третьей сестры он узнал, что сразу после отъезда Инь Няня за границу брат снова исчезал на несколько дней.

Тогда это не было похоже на прошлый прогул. Инь Мо и так был в траурном отпуске, поэтому отец и многие другие ничего не заметили. Брат заперся дома. Когда сестра пришла навестить его, то обнаружила, что его нет, а телефон выключен. Испугавшись, она сообщила старшему брату. Они просмотрели записи с камер: младший вошел в квартиру два дня назад и больше не выходил.

Взрослый человек просто испарился. Это было похоже на мистику. Сестра в панике хотела звонить в полицию, но брат её удержал. Решили подождать еще день.

В тот же вечер Инь Мо как ни в чем не бывало появился в саду жилого комплекса. Когда старший брат прижал его к стенке, требуя ответа, тот просто сказал, что всё это время любовался карпами в пруду.

История была настолько жуткой, что сестра начала побаиваться брата. Когда позже тот заговорил о похоронном бюро, она в ужасе закричала, что в него вселился бес и его подменили «грязной сущностью».

Мысли Юэ Цянь неслись вскачь. Исчезновение Инь Мо, скорее всего, было перемещением. В реальности он отсутствовал три дня, но сколько времени прошло для него в параллельном мире — неизвестно. Этим и объяснялась резкая смена характера. Если и прошлый прогул был перемещением, значит, Инь Мо бывал «там» как минимум дважды. В какой именно мир он попадал? В тот же, что и Юэ Цянь?

Инь Нянь продолжал. Семья Инь вела крупный бизнес и очень серьезно относилась к фэншую. Отец пригласил мастера для очищения дома. Мастер тогда сказал: «Зло ушло, не стоит его тревожить». Под «злом», очевидно, подразумевался его сын. С тех пор отец перестал интересоваться жизнью младшего сына, вычеркнув его из своей жизни.

Но Инь Нянь не терял связи с братом. Он не верил в байки про «сущностей». И хотя сама тема смерти была ему неприятна, он даже начал изучать ритуальные традиции, чтобы было о чем поговорить с младшим. Всякий раз, когда он спрашивал, хватает ли денег на жизнь, брат присылал ему фото своих работ, а в свободное время рассказывал о похоронных обычаях. Инь Нянь еще несколько раз наведывался в Шоюань и, видя, что брат живет вполне нормальной жизнью, наконец успокоился.

Об исчезновении Инь Мо ему сообщил Сяо Лун, помощник из похоронного бюро. Сяо Лун был болтливым парнем, и Инь Нянь на всякий случай обменялся с ним контактами. Полгода назад помощник внезапно прислал сообщение: хозяина нет уже неделю, стоит ли заявлять в полицию?

Человек пропал на неделю, а в полицию еще не заявили? Разгневанный и напуганный, Инь Нянь тут же вылетел в Шоюань. Сяо Лун, заминаясь, объяснил, что Инь Мо предупреждал его: иногда он может «уходить в другие места», и это нормально. Он просил не заявлять в полицию и никому об этом не говорить.

— Он и раньше пропадал в Шоюане? — тут же спросил Юэ Цянь.

— Я спрашивал Сяо Луна, но тот толком ничего не знает. Парень был в растерянности — хозяина нет столько дней, и он не знал, как быть, — ответил Инь Нянь. Он заставил Сяо Луна пойти в полицию. При осмотре места происшествия следователи пришли к выводу, что Инь Мо, скорее всего, вообще не покидал территорию похоронного бюро.

Голос Инь Няня сорвался на высокую ноту, в глазах отразился неподдельный страх:

— Человек был там, но его не нашли. Может быть, это...

В похоронном бюро есть кремационные печи — идеальный способ избавиться от тела. Юэ Цянь

резко позвал его:

— Господин Инь! Господин Инь!

Тот вздрогнул, приходя в себя:

— Простите.

— Я понимаю, о чем вы думаете, — твердо сказал Юэ Цянь. — Но раз вы пришли ко мне, значит, в глубине души вы не верите в его смерть.

Инь Нянь глубоко вдохнул и сделал глоток чая, пытаясь унять дрожь.

— Да. Мы проверили записи с камер у печей — брат к ним не приближался. Но это же безумие! Прошло уже полгода. Раньше он никогда не исчезал так надолго.

Юэ Цянь знал ответ. Инь Мо, скорее всего, снова переместился, но на этот раз не смог быстро вернуться, или же ход времени изменился. Инструкции, которые он оставил Сяо Луну, подтверждали: он знал о перемещениях, но не знал их точного времени. И, возможно, не ожидал, что в этот раз его не будет так долго.

Но Юэ Цяня больше всего беспокоило другое: зачем Инь Мо сделал бумажную куклу с его лицом и именем? Если отбросить путаницу со временем после перемещений... был ли этот Инь Мо тем самым Инь Мо, с которым он познакомился в поселке Цзячжи? И кукла была сделана уже после возвращения?

Хотя Инь Нянь и рассказал много личного, Юэ Цянь видел, что тот не слишком ему доверяет — просто у мужчины не осталось других вариантов.

— Когда я узнал, что у Линьлинь есть друг по имени Юэ Цянь, я был поражен. Я попросил её показать фото. Вы... вы правда не знаете, где мой брат? — спросил Инь Нянь.

— Не знаю. Но раз зацепки ведут ко мне, а я — уголовный полицейский, я обещаю вам: я сделаю всё возможное, чтобы его найти, — ответил Юэ Цянь. — Однако Шоюань далеко от Наньхэ, и наши управления раньше не сотрудничали. Мне нужно доложить руководству, чтобы получить разрешение на поездку.

Попрощавшись с Инь Нянем, Юэ Цянь немедленно поехал в управление. Ся Линь, увидев наставника, так и подпрыгнул.

— Учитель, вы опять здесь? — спросил он и тут же принялся строчить отчет Нин Циню.

Юэ Цяню было не до него. Он нашел капитана Ян Лисина и рассказал ему об этом странном исчезновении. Ян Лисин повидал на своем веку немало, и обычно отдел тяжких преступлений не брался за дела о пропавших без вести, тем более в других городах. Но когда он увидел фото бумажного человечка, его брови сошлись на переносице. Он уставился на Юэ Цяня:

— Ты умудрился кому-то настолько сильно насолить?

— Кому я солил, а кому нет — ты лучше меня знаешь, — Юэ Цянь бесцеремонно развалился на диване в кабинете капитана. — Лао Ян, мне плевать. Я пашу на тебя столько лет. Даже если кто-то решил проклясть меня с помощью этих кукол, это напрямую связано с моей работой. А значит — и с тобой.

— Черт, ну и логика, — Ян Лисин на мгновение задумался. — Ладно, жди здесь. Я свяжусь с коллегами из Шоюаня, узнаю, что там за ситуация на самом деле.

Юэ Цянь еще не успел выйти из кабинета, как зазвонил телефон. Нин Цинь, его ледяной снаружи, но преданный дядя, язвительно произнес:

— Поглядите-ка на господина Юэ. Ему уже мало всех дел Наньхэ, он решил и в Шоюане порядок навести?

<http://bllate.org/book/15837/1437631>